

ГЛАВА 1

Но, безусловно, наивысшей точки эта практика достигла в 897 году, когда с подачи императора Ламберта Сполетского Папа Римский Стефан Шестой приказал доставить на церковное судилище эксгумированное из могилы тело своего предшественника. Разложившийся труп Формоза посадили на трон и испытывали каверзными вопросами, на которые тот давал ответы голосом спрятавшегося за тронам дьякона. Позднее этот суд, ставший известным как Трупный синод, вызвал противоречивые отзывы как у теологов, так и у законоведов того времени.

Проф. И. Кратович, «Права мертвых и права живых в контексте юридической деонтологии»

Способность обходиться без воздуха, хоть и помогла Дирку пережить обратную дорогу, все же не позволила ему получить удовольствие от этого путешествия. Под конец, когда колеса «Мариенвагена» начали привычно стучать, преодолевая рытвины и неглубокие воронки, у него возникло ощущение, что последнюю неделю он провел в склепе, в обществе разлагающихся тел. И то, что лейтенанту пришлось куда хуже, не утешало.

Лицо Крамера приобрело тот оттенок зеленого цвета, который можно встретить только у незрелых яблок.

Несколько раз броневик у приходилось останавливаться, чтобы выпустить Крамера подышать свежим воздухом и прочистить желудок. Газовая маска хоть и отыскалась, особой пользы не принесла. Дирк мог ему только посочувствовать. Общество мертвого, скверно пахнущего кабана, обернутого в брезент и уложенного в дальний угол боевого отделения, было ему не менее неприятно, но отказаться от этого попутчика он не мог: слишком ценна была находка, и, конечно, на нее должен был взглянуть мейстер. Тоттмейстеры обладают умением читать посмертную историю каждого тела и разбирают невидимые узоры магильерских следов. Многие из них способны узнать «почерк» коллеги, лишь только увидев тело. А Дирку было весьма интересно, кто же тот тоттмейстер, который выпустил на волю эту отвратительную тварь.

Кромедохлого кабана, их добыча состояла из пяти птиц — для Юнгера охота оказалась достаточно удачной.

Прежде доклада мейстеру Дирк собирался выбраться из броневика, пропахшего склепом, навестить Брюннера, который займется его рукой, и сменить форму. Но этим планам не суждено было сбыться. Дирк понял это, едва лишь увидел Карла-Йохана, ожидавшего их возле замаскированного подъезда для броневиков. Ефрейтор был обеспокоен, и Дирк, знавший его достаточно хорошо, внутренне напрягся. Лицо Карла-Йохана обладало способностью четко указывать на степень паршивости новостей, которые суждено передать словами, и в этот раз оно, несомненно, указывало на то, что все обстоит очень и очень плохо.

Дирк на всякий случай оглянулся. Новых воронок вроде бы не наблюдалось, у солдат фон Мердера, видимых в поле зрения, был вполне беззаботный вид — значит, за время их

отсутствия французы не накопили достаточно смелости, чтобы предпринять атаку.

Карл-Йохан не собирался долго тянуть, испытывая терпение своего командира.

— Неприятности, господин унтер, — отрапортовал он, едва лишь Дирк выбрался наружу, с удовольствием прочистив рот и носоглотку глотком свежего воздуха. — У меня приказ для вас. Срочно в полковой штаб к фон Мердеру. Мейстер и ефрейтор Тоттлебен уже там.

Предчувствие не соврало, во время их отсутствия случилось что-то в высшей мере паршивое. Иначе, конечно, мейстер вряд ли навестил бы фон Мердера. И это паршивое случилось в его, Дирка, взводе.

— Тоттлебен? Что-то с третьим отделением?

— Так точно.

— Кто? — кратко спросил Дирк.

— Лемм, — ответил Карл-Йохан отрывисто. — Но подробностей не знаю. Приказано только быстрее направить вас в штаб.

— Что там у вас? — поинтересовался лейтенант Крамер, выбравшийся из броневика и едва передвигающий ноги. Его еще мутило после незабываемой поездки, и он не вполне уверенно ощущал почву под собой. Но Дирк не сомневался, что тот быстро придет в себя. Судя по всему, лейтенант обладал отменным здоровьем, еще не подорванным окончательно на фронте, и способностью быстро восстанавливать силы.

— Неприятности, — кратко ответил ему Дирк. — Кажется, кто-то из моих мертвецов попал в беду. И, судя по тому, что за дело взялся наш дорогой оберст, это не та беда, из которой его легко будет вытащить.

Крамер присвистнул:

— Заранее вам сочувствую. Если старик за кого-то взялся, считай, пропало. Он не такой поборник дисциплины, каким хочет казаться, хоть и изрядный педант, но если в кого-то вцепился... Я пойду с вами.

— В этом нет нужды. Речь идет о мертвце.

— Знаю. Скажем так, я буду присутствовать как штатное лицо полка. Мое слово в штабе значит не больше, чем крик совы на рассвете, но иногда у меня получается заставить фон Мердера прислушаться.

— Вынужден вас предупредить второй раз, защита мертвецов — неблагодарное дело.

— Уже заметил. Но я-то вполне благодарный человек. И помню, что именно мертвец спас мою шкуру не так давно. Идемте. Чем быстрее мы там окажемся, тем выше вероятность того, что старик не успел натворить дел.

Дирк не стал спорить.

Они проворно спустились в траншею и зашагали, читая направление по неприметным указателям или позволяя решать интуиции, которая редко подводила. Дирк не стал говорить Крамеру, что их присутствие едва ли способно что-то изменить. Если бы дело было действительно сложным и настоятельно требовало явки унтера, мейстер послал бы мысленный сигнал. Его молчание говорило о том, что вызвали Дирка больше для проформы, как командира взвода, что, в свою очередь, вовсе не обещало того, что все закончится для него хорошо. Для него и для Лемма.

«Несчастный обжора, — подумал Дирк безрадостно, — во что он мог ввязаться?»

При всей своей силе Лемм обладал разумом пятилетнего и по своей натуре был благодушен и прям. Совершенно неммыслимо представить, будто он оказался замешан в чем-то таком, ради чего фон Мердер поднял шум и вызвал мейстера Бергера.

Дезертирство? Нелепо, мертвецы не дезертируют. У них за спиной нет дома и нет семьи, только разверзнутый бездонный зев Госпожи Смерти. Измена? Еще большая ерунда. Мертвецы не способны предать, они душой и телом принадлежат своему тоттмейстеру. Ведь не может же предать кукловода марионетка?.. Пьянство? Кража? Оскорбление офицера? Дирк несколько минут перебирал возможные варианты, чтобы не выглядеть ошеломленным в штабе, но потом бросил это занятие. Особого проку от него не было, а вот тревожных мыслей делалось больше. Уж если спокойный добродушный Лемм накликал на себя гнев «старика»...

Охрана штаба уставилась на Дирка совсем не так, как обычно смотрят на долгожданного посетителя, но сейчас это не играло никакой роли. При нем был лейтенант Крамер, да и соответствующие инструкции охранниками явно были получены — внутрь их пропустили без задержки.

Оказавшись в штабе, Дирк понял, что паршивость истории вовсе не стала следствием его мнительности. Что-то было разлито в воздухе, столь же ощутимое, как запах разложения, сопровождавший мертвого кабана. Только здесь ощущался не некроз и распад тканей, а что-то другое. Столь же неприятное, хоть и иной природы. Опасное, колючее, напряженное. Как в комнате, в которой всю ночь напролет играли в карты злые, ожесточенные, уставшие люди. Мерещился даже запах долго горевших свечей, косяка и человеческого пота.

Присутствующих было немного, и Дирк узнал их еще до того, как успел взглянуть на каждого в отдельности. Прежде всего мейстер, присутствие которого Дирк ощутил еще до того, как войти. Тоттмейстер Бергер был не в духе, и Дирк сам не знал, как он это определил. То ли по взгляду, медленному и холодному, который, избегая людей, ощупывал

стенки блиндажа, то ли по иным признакам, недоступным для понимания обычному человеку.

Оберст фон Мердер тоже был в гневе, но его гнев был иным по сравнению с затаенным, скрываемым гневом тоттмейстера, пылающим и рвущимся наружу, как пламя в самодельной фронтовой печурке. Он ходил туда-сюда, то и дело поправляя резкими движениями ворот мундира и ремень, тяжело дышал и производил впечатление готового разорваться «угольного ящика», чей дефектный взрыватель не дал ему сдетонировать при падении. Дирк не любил людей в таком настроении. Эта злость была не злостью боя, когда человек устремляется в атаку, позабыв обо всем, а совсем иной злостью, сродни змеиной.

Несколько штабных офицеров хранили на своих лицах выражение немного надменной усталости, всем своим видом демонстрируя, как нелепо и неуместно выглядит в святая святых полка магильер со своим мертвым воинством.

Воинство было невелико. Кроме самого Дирка, внутри обнаружили только Лемм и Тоттлебен. Тоттлебен стоял у стены, вытянувшись во весь рост, но по его непроницаемому лицу сложно было что-то сказать, кроме того, что беседа, которую Дирк с Крамером не застали, носила отнюдь не приятный характер. Лемм возвышался в углу, как провинившийся мальчишка. Унтера он встретил нечленораздельным радостным возгласом, как ребенок, увидевший знакомое лицо.

Дирк стиснул зубы, стараясь выглядеть собранным, подчеркнуто вежливым и равнодушным. Таким, каким и должен выглядеть образцовый унтер-офицер, стремящийся пресечь всякое нарушение дисциплины и немного уязвленный тем, что в его взводе возможно нечто подобное. Но все-таки он заметил перемены, произошедшие в Лемме, — мундир на его груди зиял несколькими рваными дырами,

отчасти превратившись в лохмотья. И успел машинально подумать о том, как, должно быть, сокрушался по этому поводу сам великан. Мундиров его размера не производила ни одна фабрика, и интенданту Брюннеру в свое время пришлось немало помучаться, чтобы изготовить форму специально под Лемма.

Дирк и Крамер отрапортовали о прибытии, замерев недалеко от входа. Их доклад был выслушан до конца. Хорошая традиция всех германских штабов — какая бы неразбериха ни царила снаружи, внутри все присутствующие хранили ледяное спокойствие, соблюдая все предписанные формулы общения между офицерами. И даже если снаружи царил настоящий хаос, все штабные офицеры всегда выглядели безукоризненно в своей выглаженной и опрятной форме.

Разглядывая незнакомые лица, Дирк подумал о том, что, даже если наверху произойдет Страшный суд и ангелы Господни спустятся на изрытую воронками землю Фландрии, похожую на мертвое тело, иссеченное вдоль и поперек, оберсту фон Мердеру об этом будет доложено обыденным тоном, каким сообщают сводки разведки и донесения тыловых частей. После чего фон Мердер недрогнувшей рукой подпишет приказ о передислокации всех чинов христианского вероисповедания и лично передаст его старшему офицеру связи для отправки в вышестоящие инстанции.

— Хорошо, что вы прибыли, унтер-офицер Корф, — произнес тоттмейстер Бергер, оторвавшись от изучения стены. Судя по тому, что его тяжелый взгляд не задержался на «Висельнике», Дирк понял, что гнев мастера направлен не против него. Это отчасти успокаивало, но в то же время усиливало ощущение чего-то нехорошего и тревожного. Лемм глупо улыбался, глядя на Дирка. — У нас тут произошло... кхм... некоторое затруднение. И вы, как командир второго взвода, конечно, должны быть в курсе.

— Затруднение? — Голос оберста фон Мердера был наполнен отвращением под завязку, как баллоны Толля — огнеметной смесью. И это отвращение было готово обрушиться на них. — Я полагаю, вы подыскали излишне мягкое выражение, господин хауптман, потому что я со своей стороны не могу считать это просто затруднением. Речь идет о преступлении, отвратительном, мерзком и недостойном. Преступлении, совершенном мертвецом и оттого вдвойне отвратительном.

Тоттмейстер Бергер гораздо лучше владел собой. И, несмотря на то что в его взгляде плескалось что-то очень недоброе, как тягучее варево некроманта в котле, с оберстом он разговаривал холодно, но спокойно.

— В любом случае мы все собрались здесь именно для того, чтобы принять решение на этот счет. Это унтер-офицер Корф, командир Лемма. Его присутствие здесь не случайно.

— Он не унтер-офицер, — тотчас вскинулся фон Мердер. — И то, что вы нацепили на него ливрею с какими-то знаками отличия, еще не позволяет считать его унтер-офицером. В его величества германской армии его чин значит менее, чем мешок брюквы. Это всего лишь один из ваших, хауптман, мертвцов. И мне нет дела до того, как ваши куклы командуют друг другом.

Фон Мердер подчеркнуто именовал тоттмейстера Бергера хауптманом. И, хотя это было целиком и полностью в рамках существующих правил, согласно которым в имперской армии мейстер пользовался чином хауптмана, был здесь и отчетливый намек на неприятие — согласно многолетней традиции, магильеров именовали в соответствии с их орденом чином. Как бы то ни было, тоттмейстер Бергер пропустил это мимо ушей.

— Тогда считайте его мертвым командиром этого мертвого солдата. Он несет ответственность за судьбу Лемма.

И я считаю, что нам стоит выслушать и его. Унтер-офицер Корф, вам известно что-либо о произошедшем с рядовым Леммом в ваше отсутствие?

— Никак нет, господин тоттмейстер. — При общении с командиром лично в Чумном Легионе использовалась форма «мейстер», но в обществе других офицеров называть его так было непозволительно. — Мы с лейтенантом Крамером прибыли полчаса назад и еще не в курсе произошедшего.

Фон Мердер исподлобья взглянул на Крамера, и не требовалось быть магийером, чтобы понять, какой вопрос вертится у него на языке. К счастью для лейтенанта, сейчас умы всех собравшихся занимало иное дело.

— Я так и думал, — вздохнул тоттмейстер Бергер. — Господин ефрейтор Тоттлебен, сообщите унтер-офицеру Корфу все, что нам стало известно.

Тоттлебен приступил к докладу. Он говорил сухо и безучастно, как металлический «Морриган», но за каждым сказанным им словом Дирк видел произошедшее так ярко, словно и сам был свидетелем событий, а теперь слышал лишь пересказ истории.

Разумеется, во всем был виноват сам Лемм. Улучив момент, когда Тоттлебен отлучится, он, вечно томимый голодом, от которого не мог избавиться, тайком улизнул из расположения своего отделения. Несмотря на исполинский рост мертвеца, это было несложно. «Висельники», чьи тела плохо реагировали на солнце, на протяжении дня часто укрывались в блиндажах и убежищах, снаружи оставляя лишь наблюдателей. Этим и воспользовался Лемм. Никем не остановленный, он улизнул от «листьев» и, руководствуясь, по всей видимости, запахом, направился в расположение двести четырнадцатого полка, располагавшегося неподалеку.

Дирк вспомнил мумифицированную кошку и крест. Не те знаки, которые могли бы насторожить бесхитростного Лемма.

На солидном удалении от расположения «Веселых Висельников» Леммом был обнаружен источник запаха — трое солдат, устроившихся с котелком и картами вокруг костра. В котелке была гороховая похлебка, и одного этого было достаточно, чтобы Лемм забыл свои предубеждения против живых людей, так часто оскорблявших его и плевавших вслед. Он приблизился к костру, демонстрируя свои мирные намерения и улыбаясь. Он не хотел никого потревожить, более того, он заранее извинялся за свой неожиданный визит и просил солдат не беспокоиться на его счет, выражая это в меру своих возможностей.

Он попытался объяснить им, что очень голоден и что от голода у него в животе такое ощущение, словно там пробили бездонную шахту. Тоттлебен всегда запрещал Лемму есть, и прочие «Висельники» старались бдительно следить за ним. Но что они знали о настоящем голоде? Том, который выворачивает наизнанку, терзает изнутри ледяными зубами, треплет нутро. Лемму часто случалось быть голодным при жизни. Попробуй накорми такое большое и сильное тело, если работаешь на заводе от зари до зари! Но только после смерти он узнал, что такое настоящий голод, который нельзя утолить. Тот, от которого невозможно думать и кружится голова. Лемм согласен был терпеть ворчание Брюннера, которому вновь пришлось бы вскрыть живот мертвеца и вытряхивать оттуда тронутую разложением пищу, лишь бы снова ощутить краткий упоительный миг сытости.

Лемм приблизился к костру, клянча немного похлебки. Виртуозно управляющийся со своим боевым цепом, он слабо владел языком, пытаясь объясниться с помощью

знаков и гримас. Как бы то ни было, желаемого он не получил.

Увидев мертвеца, трое пехотинцев фон Мердера вскочили в ужасе и едва не сбежали, забыв про свой котелок. Но затем поняли, что Лемм один да и ведет себя отнюдь не агрессивно. Это их отчасти успокоило. Немного пошептавшись, они успокоились окончательно, что показалось Лемму добрым знаком. Один из них поднял котелок с хлебкой, предлагая его «Висельнику», двое других стали поодаль. И когда он, не чувствуя подвоха, потянулся к долгожданному вареву, всадили ему в грудь штыки, которые держали за спиной.

Лемм был так поражен этой внезапной атакой, что не сразу сообразил, что происходит, позволив солдатам несколько раз вонзить в него лезвия. Он, способный смести десятерых человек одним махом, опешил, беспомощно замерев, подставляя под новые и новые удары свое большое тело. Он привык к тому, что люди в серых мундирах беззлобно подтрунивают над ним или уважительно шепчутся, оценивая размер его рук и торса. Иногда серые люди давали ему еду, и он прятал ее, чтобы тайком съесть. А теперь эти люди били его большими ножами, и на лицах у них была самая настоящая ненависть, которую Лемм прежде видел только у французов.

Лемм не испытывал боли и даже не помнил, что это такое. Но предательство поразило его настолько, что остатки человеческих рефлексов заставили гиганта сопротивляться.

Жалобно взыв, он махнул рукой, и кулак, размером со снаряд полевого орудия среднего калибра, отбросил одного из нападавших на три метра в сторону. Оставшиеся двое бросили штыки и убежали. Тот, которого ударил Лемм, через некоторое время последовал за ними,